

роятно, Скопин-Шуйский поддерживал связь и с Тимофеевым, держал его в курсе своего похода.

В апреле 1611 г. противники И. Тимофеева, вероятно, как уже говорилось выше, из числа лиц, когда-то связанных с М. И. Татищевым, свели с дьяком свои счеты, предъявив ему обвинение в преступлении, бывшем на грани хищения и проступка, свидетельствующего о политической неблагонадежности. Впоследствии сам Тимофеев рассказывал, что его привлекли к ответу по челобитью И. Н. Большого Одоевского, а дело велось дьяками Корнилом Иевлевым и Семейкой Самсоновым, которые «ему были недрузи».³⁴

Указание в деле на то, что «те де образы царственные вещи», заявление протопопа Амоса, что он «хотел те образы вести к Москве ко государю, ково нам государя бог даст», — все это свидетельствует о каких-то политических планах, возможно, объединявших Скопина, Тимофеева, Амоса, — планах, очевидно, враждебных В. Шуйскому. Вероятно, в глазах и Тимофеева, и Амоса М. В. Скопин-Шуйский в 1610 г. рассматривался как кандидат на царский престол.

Но почему дело о Тимофееве и утаенных им образах было поднято в 1611 г., через год после смерти Скопина, когда вопрос о нем как возможном претенденте на занятие трона уже утратил свою актуальность? По всей вероятности, попытка скомпрометировать Тимофеева стоит в какой-то связи с политической борьбой, происходившей в Новгороде в это время. 2 июня 1611 г. в Новгороде был получен приговор первого Ополчения об избрании в русские цари шведского королевича, сына короля Карла IX.³⁵ Тимофеев, судя по всему, не был сторонником идеи водворения на русском престоле в качестве правителя представителя другой страны и чужой династии. Он был глубоко опечален «вселением во царство насилования главоохлехных и во стране земля Новоградская от немотующих Фриг таковожде».³⁶ В то же время гость Степан Иголкин, выдвинувший в апреле 1611 г. (еще до того времени, когда было получено решение Ополчения об избрании шведского королевича) обвинение против Тимофеева, в дальнейшем, в декабре 1611 г., был послан (в составе новгородского посольства) в Швецию для переговоров по вопросу о занятии шведским королевичем русского трона.³⁷ С ним же вместе отправился и подьячий Петр Третьяков. А дело, возбужденное против Тимофеева, началось с того, что в книгах П. Третьякова были обнаружены образа Михаила Татищева, затем попавшие (якобы через Тимофеева) к протопопу Амосу. Расстановка сил как будто ясная. С одной стороны, сторонники, с другой — противники признания власти шведского правителя. В этой связи приобретает и особый смысл заявление Амоса о желании вести находившиеся у него образа в Москву для передачи их «государю, ково нам бог пожалует». Имеется в виду, по всей видимости, русский царь, говоря словами Тимофеева, «одушевленный по всему образу божию властию и страхом, богоприставленный нам во всей жизни во утвержение и управленне обще наше».³⁸

³⁴ Там же, стлб. 55.

³⁵ Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.) Юрьев, 1913, стр. 8—11; И. С. Шепелев. Шведская интервенция в России в 1610—1611 гг. и отношение к ней первого земского ополчения. — Сборник научных трудов Пятигорского государственного педагогического института, вып. IV, Кафедра общественных наук, 1949, стр. 194.

³⁶ Временник Ивана Тимофеева, стр. 162, 340.

³⁷ ДАИ, т. I, стр. 283—285, № 162; Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.), стр. 21—23.

³⁸ Временник Ивана Тимофеева, стр. 106, 279.